

живя лѣтомъ въ Ясной Полянѣ, мнѣ приходилось ѣздить въ Тулу, которая всего верстахъ въ 13 или 14 отъ Ясной Поляны, приходилось ѣздить иногда верхомъ на небольшой бѣлой лошаdkѣ Л-ва Н-ча, которая была приведена имъ съ Кавказа, гдѣ онъ ускакалъ на ней, какъ говорили, отъ черкесовъ, которые гнались за нимъ и не догнали, благодаря лишь быстротѣ его коня. Въ одну изъ поѣздокъ въ Тулу я былъ тамъ въ книжной лавкѣ, кажется, Пантелеева, и Пантелеевъ просилъ меня передать Л-ву Н-чу, — не продасть ли онъ ему изданіе „Князя Серебрянаго“. Я объяснилъ Пантелееву, что это произведеніе другого графа Толстого, не Льва Н-ча, но, пріѣхавъ въ Ясную Поляну, рассказалъ объ этомъ Л-ву Николаевичу, и помню его слова — „скажите ему (т. е. Пантелееву), что я такой дряни не пишу“. Въ началѣ 1863 года я покинулъ Тулу. Но и послѣ этого мнѣ приходилось встрѣчаться со Л-мъ Н-чемъ; такъ я встрѣчался съ нимъ въ Москвѣ въ 1868 и 1869 г. г. въ Чертковской библиотекѣ, гдѣ я былъ помощникомъ библиотечаря, П. И. Бартенева, извѣстнаго издателя Русскаго Архива. Бартеневу Л-въ Н-чъ поручилъ тогда изданіе „Войны и Мира“ послѣ того, какъ начало этой поэмы подъ заглавіемъ „1805 годъ“ было напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ. Мнѣ приходилось держать и корректуру этого перваго изданія „Войны и Мира“. Во время печатанія этого произведенія и заходилъ Л-въ Н-чъ въ Чертковскую библиотечку, и однажды онъ попросилъ меня разыскать все, что писалось о Верещагинѣ, который въ двѣнадцатомъ году былъ отданъ Растопчиннымъ народу на растерзаніе, какъ измѣнникъ. И я, помню, собралъ множество рассказовъ объ этомъ событіи, газетныхъ и другихъ, такъ что пришлось поставить особый столъ для всей этой литературы. Левъ Н-чъ что-то долго не приходилъ; а когда пришелъ и я указалъ ему на литературу о Верещагинѣ, онъ сказалъ, что читать ее не будетъ, потому что въ сумасшедшемъ домѣ встрѣтилъ какого-то старика — очевидца этого событія и онъ ему рассказалъ, какъ это было. Затѣмъ я встрѣтился со Львомъ Н-чемъ въ 1878 году лѣтомъ, на желѣзной дорогѣ, когда онъ со всѣмъ семействомъ своимъ ѣхалъ изъ своего Самарскаго имѣнія въ Ясную Поляну. Я проѣхалъ тутъ со Л-мъ Н-чемъ отъ станціи „Пачелмы“ Сызрано — Моршанской дороги до Рязска; и въ этотъ разъ Л-въ Н-чъ рассказывалъ мнѣ о своемъ душевномъ состояніи, которое чуть было не привело его къ самоубійству и разрѣшилось возвращеніемъ къ вѣрѣ, къ той вѣрѣ, которую исповѣдуетъ народъ нашъ. Въ это время Л-въ Н-чъ исполнялъ всѣ церковные обряды, говѣлъ и причащался; — такъ, я помню, онъ говорилъ мнѣ. Въ послѣдній разъ я видѣлся со Л-вомъ Н-чемъ въ мартѣ 1899 года, провелъ въ бесѣдѣ съ нимъ два вечера у него въ домѣ, въ Москвѣ, въ Хамовникахъ. Этимъ и ограничились мои личныя сношенія со Л-вомъ Н-чемъ. Но Левъ Николаевичъ такое крупное явленіе, такая величина, что не только знающіе его лично, хотя бы такъ мало, какъ я, но даже и совсѣмъ его не видавшіе, не могутъ не имѣть его въ виду, не могутъ не обращать къ нему постоянно свои взоры, не могутъ такъ или иначе не относиться къ нему. Опредѣленіе всѣхъ различныхъ отношеній ко Льву Н-чу, къ 80-тилѣтнему его юбилею, какъ подведеніе итога его долготѣйшей жизни и дѣятельности, надо думать, желательно и самому Л-ву Н-чу